

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Б. Б. Овчинникова

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)*

Тысячелетняя история Южной Сибири не являлась непрерывным и планомерным процессом эволюции во времени и пространстве лишь одной культуры, одного этноса. Сегодня в процессе изучения этого региона более существенное значение приобретает не формальное выделение той или иной археологической культуры, а определение единства и множественности культурных традиций, проявившихся в группе хронологически близких памятников в их развитии от одной культурной общности к другой. Передаваемые в родственной среде культурные традиции на одной территории, как правило, оказывают влияние на культурные связи и в широком культурно-организационном пространстве. С этих позиций попытаемся рассмотреть погребальные и поминальные памятники древних степняков, вскрытые на территории Центральной Тувы раскопками Славяно-Тувинской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ). Результаты исследования показали, что данные памятники отражают историю местных племен, которые были включены в орбиту этногенеза народов от раннего железного века до позднего Средневековья: скифы, гунны, тюрки, кыргызы (древние хакасы), монголы.

Некогда могущество этих племен процветало, и даже некоторые из них, наиболее беспокойные, «прокатились» по южной окраине евразийских степей и увлекли за собой часть ее обитателей, именно ту, которой суждено было в конечном итоге сыграть определенную роль в формировании ряда народностей как Азии, так и Европы.

Через территорию Центральной Азии проходил Великий шелковый путь, связывающий с древних времен Восток и Запад. Существенное влияние на него в определенные исторические периоды оказывало население данного региона. Особую роль в этом сыграла одна из могущественных держав – Тюркский каганат. Образование его в какой-то мере стало переломным моментом в истории человечества, так как до сих пор среднеземноморская и дальневосточная культуры были разобщены. В этой

ситуации тюрки не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру, достойную, на их взгляд, противостоять культуре Китая, Сасанидского Ирана, Византии.

Кроме Тюркского каганата, с VI в. в Южной Сибири, а точнее, в Минусинской котловине существовало самостоятельное кыргызское объединение (древние хакасы). На рубеже VII–VIII вв. кыргызы, до того неоднократно подвергавшиеся нападениям и оказавшиеся под властью соседних тюркоязычных народов, сами становятся наиболее сильными врагами тюрков. Начиная с середины VII в. н. э. главным противником как енисейских кыргызов, так и тюрков-тугов становится усилившийся каганат уйгуров.

Несмотря на то, что в период VI–X вв. в степях Центральной Азии в древнетюркской материальной культуре просматривается влияние уйгурских и древнехакасских (кыргызских) элементов, все же достаточно ясно прослеживается общая линия единой древнетюркской традиции, вплетавшей в себя дух кочевий степняков. Это нашло отражение в памятниках материальной культуры Южной Сибири I тыс. н. э. и может быть проиллюстрировано на материалах, полученных в результате исследований археологических памятников Тувинской экспедицией УрГУ. Раскопки могильника Аймырлыг, а также монографическое изучение автором могильника Даг-Аразы в Центральной Туве позволили получить разнообразный материал, который потребовал систематизации, обработки и научного осмысления. В результате стало очевидным, что у древних тюрков Саяно-Алтая четко прослеживаются сохранение и передача традиций в родственной сфере на одной территории от одного этапа развития их культуры к другому. Наиболее наглядно этот процесс проявился в остатках материальной культуры, свидетельства которых зафиксированы при изучении поминального и погребального обрядов, а также вещевого комплекса, который сопровождал умершего.

Поминальный обряд древних тюрков являлся сложным ритуальным действием, при посредстве которого происходило общение с внеземным миром, а также проводы и обеспечение всем необходимым в дорогу предка, при посредстве которого и осуществлялось это общение. Такой ритуал подразумевал наличие конкретного места, где он должен был проводиться, и воздвижение какого-либо сооружения, в пределах которого протекал бы обряд поминовения. Таким объектом, несущим мемориальные и сакральные функции, была четырехугольная каменная оградка – своеобразное пристанище *духа* умершего на земле перед тем, как отправиться в верхний мир.

В результате исследования поминального культа тюрков, можно считать, что поминальный обряд несет в себе две важнейшие функции: он

был связан с культом предка и являлся институтом посредничества между этим и верхним миром.

Отметим, что специальные поминальные сооружения в виде оград на территории Южной Сибири существовали задолго до тюркского времени. Поэтому прежде чем попытаться дать объяснение формированию и развитию этой устойчивой традиции, обратимся к эволюции мемориальных оградок у народов Центральной Азии.

Известно, что конструкция оградок, при которых часто обнаруживается изваяние, стела или стояк, связана с чрезвычайно древней традицией, восходящей к отдаленному времени – эпохе бронзы. Появившись в доандроновское время как основной тип надгробных сооружений, оградка продолжает существовать у многих племен в последующие периоды в разных модификациях и исполнять различные роли – либо как одна из составляющих погребального обряда, либо как поминальное сооружение.

Можно сказать, что на определенном этапе происходит отделение оградки непосредственно от погребения. Если у афанасьевцев, андроновцев, в караскуской культуре, в тагарскую эпоху оградки являются ограждением, сооруженным вокруг могилы, то в скифское время оградка приобретает самостоятельное значение: теперь она сооружается не только в связи с погребениями, но и для иных целей, а именно для проведения обряда поминания. Особенно заметно это на шурмакском этапе, когда поминальные сооружения возводятся непосредственно около погребений, но имеют самостоятельное значение. У тюркок-туго оградка приобретает законченные черты поминального объекта с четко разработанным канон, по которому строятся сооружения подобного типа на протяжении нескольких веков.

Следовательно, можно сказать, что в позднескифское и гунношурмакское время окончательно оформляется обычай сооружения поминальных оградок, связанный прежде всего с поминальными курганами¹, а в тюркское время (VI–IX вв. н. э.) оградки становятся классической формой поминального сооружения. Известно также и то, что с падением Тюркской державы обычай сооружать оградки исчез; остатки этого обычая сохраняются у енисейских кыргызов, причем здесь поминальные их предназначение снова сливается с погребальным (Аймырлыг II).

Что же касается погребального обряда, то у древних тюркок он носил весьма специфический характер, проявившийся в захоронении человека с конем. Именно этот обряд, по единому мнению исследователей, соотнесен с кочевыми и полукочевыми народами. Однако, как известно, на территории Центральной Азии в VI–X вв. одновременно с обрядом погребения человека с конем существовали и другие обычаи похорон:

погребение человека без сопровождения животными; погребения-«кентотафы»; погребения, совершенные по обряду сожжения.

Вопрос об этнической идентификации отдельных погребений с конкретными племенами тюркской общности до сих пор остается нерешенным. Ряд исследователей, основываясь на письменных и археологических данных, считают, что обряд трупоположения с конем характерен для тюрков-тугу, создателей каганата. Другие предписывают его тюркам-теле, третьи – к кыштымам, четвертые – к кок-тюркам и т. д.

Изучение же самого погребального комплекса, в частности способа погребений, поднимает не только проблему этнического характера, но и социальной дифференциации в древнетюркском обществе, кроме того, проблему связи погребений человека с конем с погребальным обрядом предшествующих эпох и соотношения поминальных оградок с погребениями человека с конем.

Появление такой конструктивной особенности в обряде древнетюркских захоронений, как *подбой*, чаще всего объяснявшееся с точки зрения религиозных воззрений, на наш взгляд, также несет и социальную и идеологическую нагрузку. В эпоху Средневековья такие сооружения в Туве встречаются в VIII в., когда государственной религией с 763 г. становится манихейство, привнесенное на территорию Саяно-Алтая завоевателями – уйгурами. Возможно, это могло проявиться в обряде захоронения покоренных тюрков-тугу, и именно в погребениях высших слоев военной аристократии, которая берет основные положения этого религиозного учения в качестве идеологической основы своего существования. И все же более убедительным в трактовке процесса сооружения подбоя в древнетюркских погребениях человека с конем является в определенной степени отражение социального статуса погребенного. Сооружение погребальной камеры с подбоем, завершающееся многоярусной каменной постройкой наземной его части, требует больших трудовых затрат по сравнению с традиционным погребением в яме. Об этом свидетельствует также инвентарь, который сопровождает погребенных в подбой и отличается своеобразием комплекса, количеством и качеством.

Важно отметить, что среди многообразия погребального инвентаря, дающего представление об облике материальной культуры тюрков-тугу, некоторые категории вещей наиболее ярко отражают ее развитие во времени. К таким категориям вещей следует отнести наборный пояс, серьги, тесла, зеркала, накладки на луки, сбруйный набор, удила, стремена, подпружные пряжки, седла. Причем в конском снаряжении древних тюрков выделяются устойчивые сочетания не только разных типов вещей, но и категорий всего класса, которые характерны для того или иного временного отрезка.

На основании проведенных исследований выявлены устойчивые комплексы некоторых категорий погребального инвентаря, бытовавшего на определенном хронологическом этапе существования древнетюркской материальной культуры. Таких этапов три. Они соответствуют времени могущества государственных объединений в Южной Сибири, известных по письменным источникам о тюркоязычных народах: древнетюркский, уйгурский, древнехакасский (кыргызский).

Очевидно, что на протяжении всего периода существования древних тюрок в Саяно-Алтае форма предметов погребального инвентаря на примере погребения человека с конем совершенствуется в рамках тюркской традиции. При этом следует учитывать, что если во времена уйгурского владычества тюрки-тугу заимствовали лишь некоторые формы погребального инвентаря, при этом сохраняя культурное наследие, то кыргызское (древнехакасское) влияние проявилось в *сосуществовании* в одном погребальном комплексе как тюркских, так и кыргызских вещей.

Сегодня наиболее прогрессивной является сквозная периодизация развития материальных остатков культуры, которые должны учитывать и общие закономерности, и особенности отдельных регионов. Вещевой комплекс, который явился базой данных для создания классификаций и типологии погребального инвентаря древних тюрок Саяно-Алтая, помог выявить типы вещей, формы которых остаются неизменными на протяжении рассматриваемого периода, а также те, которые претерпевают изменения.

Таким образом, анализ погребального инвентаря с привлечением новейших материалов дает возможность представить более полно облик материальной культуры древних тюрок-тугу в Южной Сибири в I тыс. н. э., которая впитала в себя как «внутренние», так и «внешние» трансляции. Очевидно, что в период VI–X вв. в степях Центральной Азии в культуре местного населения прослеживается общая линия единой тюркской традиции при активном взаимодействии как уйгурских, так и древнехакасских элементов, не исключая при этом культурных контактов с такими отдаленными соседними государствами, как Китай, Иран и др.

¹ См.: Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ. 1959–1960. С. 331.